

Глава 1

Г лаз моря.

Черный.

Белый камень — черный круг, так, чуть треугольный кружок. Найдешь глаз моря — обязательно к морю вернешься, так бывает, примета настоящая. А если глаз нашел, а на море не был, тогда что — наоборот? Море к тебе вернется? Кажется, тут было оно когда-то, в мезозойскую эру, на географии говорили... Море и динозавры. И сколопендры в пять метров, из песка морды свои задумчивые выставляли. Может, это глаз сколопендры. Сколопендра — это жук? Хорошо, наверное, быть жуком. Или лучше мышью. Спрятаться между бревнами в стене и жить. А еще лучше в лентаргию впасть, но не в простую, а в редкую какую-нибудь, чтобы у трех человек в мире такая была, и все в Америке. Перевезли бы его в Америку, пролежал бы он там двадцать лет, а какие-нибудь благодетели на его счет деньги бы перечисляли. И через двадцать лет очухался (ну, пусть молния ударила), молодой, богатый и в Америке. Так даже лучше, чем мышью...

Аксён положил глаз на ржавые перила моста и стал глядеться в зрачок доисторической ползучки. В миг смерти

в глазу отпечатывается мир. Конечно, это не так, конечно, это вранье, но вдруг у сколопендр все по-другому? Вдруг в глазах ее все-таки отпечатывалось? Ну, в последнюю секунду? У каких-то там трилобитов был самый совершенный во всей эволюции глаз, этот суперглаз мог вполне все и сфотографировать.

Не, ничего не видно. Сдохла сколопендра, глаз окаменел...

Дзиньк.

Аксён обернулся. Тюлька сидел на рельсе. В руке обрезок арматуры. Поднял обрезок, ударил в рельс.

Дзиньк. Неприятный такой звук, придушенный.

— Чего стучишь?

— Мостника зову, — ответил Тюлька. — Он уродский.

— На фиг нужен?

— Нельзя так переходить, надо зажор ему кинуть.

— Что кинуть?

— Зажор. Ну, чтоб не привязывался.

Тюлька показал из кармана печенье.

— Верка говорит, что без зажора нельзя, а то привяжется, — сказал Тюлька шепотом.

— Врет она.

— Ну, она вот про галок говорила — и это... Все так и было.

— Совпадение.

— Она говорит, что она в прабабушку, а прабабушка у нас колдунья была. А мостнику всегда надо что-нибудь кинуть.

Зажор.

— А поезда тогда как? Тут же куча народу туда-сюда каждый день носится, они что, все должны кидать что-то?

Тюлька задумался. Аксён поставил ногу на рельс. Тихо.

— Рожа у него не треснет, у мостника вашего? Хорошо, шелудивый, пристроился...

Аксён хотел плюнуть в воду, но на всякий случай не стал.

— Поезда не считаются. А если пешком — совсем другое дело. Верка, когда на линии работала, всегда печенье кидала, меня тоже научила.

— Ты побольше ее слушай, она тебя еще не тому научит...

Аксён встал на рельс, подошел к Тюльке:

— Давай.

— Что?

— Печенье давай.

Тюлька опустил руки в карманы.

— Давай-давай.

Тюлька засунул руки поглубже. Аксён вздохнул и схватил его за ухо. Тюлька ойкнул, руки из кармана вытащил, Аксён ловко добыл печенье. Откусил половину, другую вернул брату.

— Я ему глаз дам, — пообещал Аксён. — Мостнику вашему.

— Какой еще глаз?

— Динозаврий. Я нашел тут. Окаменелый, конечно.

— Где? — заинтересовался Тюлька. — Где динозаврий?

Аксён указал пальцем.

— Там нет ничего.

Аксён вернулся к перилам. Глаза моря не было. Аксён свесился за решетку. Камень лежал на дне, смотрел уже от туда.

— Это мостник! — Тюлька поднялся. — Я его палкой вызвал, вот он глаз твой и забрал.

Тюлька показал язык, то ли Аксёну, то ли мостнику, скатился с моста и принялся бродить по насыпи.

Аксён перебрался на восточный берег.

Это был тот самый мост. Там, под центральной опорой, она и лежала. Аксён почувствовал привычное желание — забраться до середины в речку и поискать. Опустить руки в воду, процедить гальку, вытащить серебро.

Он приходил под мост двадцать раз, может, тридцать, и каждый раз хотел ее достать.

И сейчас тоже хотел.

Аксён спустился к воде. Попробовал. Холодная. Снег стаял недавно, разлива еще не было, вода ледяная и пока прозрачная, отдавать глаз моря мостнику не хотелось, обойдется, сыч чесоточный...

Аксён присел на кочку, расшнуровал ботинки. Попробовал воду еще раз, уже ногой.

— А что, тут вправду динозавры водились? — спросил с другого берега Тюлька.

— Ага. Они и сейчас водятся.

Но это Тюлька уже не услышал, рельсы провыли, с моста просыпался прах, шел благовещенский. Значит, полдень.

— Тюлька! — крикнул Аксён. — Тюлька, на дорогу не вылазь!

— Хорошо!

Аксён отвалился назад, так, чтобы затылком, черт с ним, с глазом.

Земля была прохладной, даже холодной, в голову начал вползать лед, Аксён ждал. Лед должен был пробраться глубоко, примерно до середины, когда вымораживалось до середины, тогда мысли пропадали начисто, проверено.

Сейчас не пропали. Никуда не делись, не растворились, это оттого, что уже близко... Зашумело, залязгало больше, чем надо, благовещенский лязгучий, из-за поворота

показался состав. Аксён приподнялся, поглядел на насыпь, ну, чтобы Тюлька не лез, он, конечно, крысенок опытный, однако возраст дурной, в этом возрасте Аксён сам лез, куда умные не лезут.

Это был не благовещенский, а какой-то тупорылый, с грязными и пустыми угольными вагонами товарняк, вот почему все так и лязгало. Аксён удивился, вообще, товарняка сейчас быть не должно, запустили вне расписания. Благовещенский или опаздывает, или время в голове сбилось.

Товарняк тащился через мост долго и уныло, не было ему обрыва. Аксён пытался считать вагоны, на двадцать третьем бросил. Состав гремел, распространившись из одного поворота до другого, уходил в пустоту, земля дрожала, и вода в речке тоже.

Как-то она читала стихи. Она вообще уважала стихи, как многие девчонки, он нет, но те стихи ему понравились. Все он не помнил, что-то про реку. Хорошо жить весной на берегу реки, жечь костры, ловить рыбу, наблюдать за плескающимися в камышах плезиозаврами, чувствовать, что за спиной нет ничего и никого.

Аксёну тогда показалось, что это сочинил человек, который прожил здесь. Потому что уж очень все было похоже, и мосты, и поезда, и реки. Вот и сейчас, когда товарняк перебирался через мост, вспомнилось. Стихи. И что за спиной пустота — тоже почудилось. И что мир существует только тут, вокруг. На семьдесят километров к западу — там сползает к озеру древний Галич, и на сто с лишним к востоку — там тайга, проваливающиеся в землю деревни и синие сопки, низкорослые первенцы Урала. А дальше и нет ничего, все обрывается. В прошлом году Чугун унес телевизор, и почти семь месяцев Аксён чувствовал себя как на острове.

Хорошо.

Товарняки Аксён не любил. Они были мертвее обычных, пустые, ему всегда представлялось, что эти поезда идут в никуда, что они просто болтаются по всей стране с неизвестными целями. Иногда ему казалось, что в этих поездах нет даже машинистов, а управляются они компьютерами или едут просто так, сами по себе. Он даже придумал целую историю и рассказал ее Тюльке. Про то, что есть простые товарные поезда, а есть особые, в номерах локомотивов которых присутствует шестерка. В этих поездах машинистами служат мертвецы, а перевозят эти поезда призраков.

История получилась полезной, Тюлька старался держаться от товарняков подальше. Однажды спросил: а зачем призраков перевозить? Аксён задумался, потом объяснил: если призраки долго живут в одном месте, то они начинают безобразничать, поэтому их отлавливают и переправляют в другую область. С воспитательными целями. Ну, так вот в стране все и устроено.

Из поворота выскочил последний вагон, прогрохотал за мост и скрылся. Рельсы еще некоторое время шевелились, потом стало тихо, земля успокоилась, вода тоже. Показался Тюлька. Он спешил, оглядываясь на уже невидимый поезд, перебежал через мост, споткнулся и скатился по насыпи. Поднялся.

Карманы у Тюльки оттягивались, а все остальное, и шея, и руки, наоборот, выставлялось. Аксён поморщился. Пальто обмалело совсем, стало похоже на куртку.

Оно еще в прошлом году обмалело. И в клетку еще, левый борт выцвел, получалось разноцветно. Тюлька сообщил издали:

— Сорок пять.

— Что сорок пять?

— Вагонов.

— И что?

— Ничего. Сорок пять вагонов призраков! Там, на паровозе, есть две шестерки. Куда их везут, интересно?

— В Приморье, — соврал Аксён. — Китайцев пугать. А то китайцы там всех лягушек съели. А от этого комары расплодились, пограничникам житья никакого нет, и ночью кусают, и днем. Вот и везут призраков. Ну, чтобы они китайцев шуганули...

— А если китайцы своих призраков туда запустят?

Аксён принялся натягивать ботинки.

— Ни один китайский призрак против нашего не устоит, — заверил он. — Наши призраки сам знаешь какие — голыми руками кого хочешь порвут, без лопаты. Так что не волнуйся, Тюлькан, восточная граница на замке.

— А я и не волнуюсь. Слушай, а это на самом деле правда, что тут динозавры водились?

— Ага. И водятся. Там, за городом, дыры в земле, слышал? Провалы?

Тюлька кивнул.

— Из этих провалов текут подземные реки. Они везде, кстати, есть, и все впадают в Северный Ледовитый океан. А некоторые реки даже за границу текут, ну и вообще — по всему миру. Есть даже такие специальные подземные подводные лодки, их опускают в шахты, и они по этим самым рекам могут куда угодно доплыть.

— Зачем? Зачем они нужны? — Тюлька с недоверием поглядел под ноги. — Можно ведь и поверху доплыть?

— Поверху могут перехватить, а под землей никак. И вообще, такое оружие есть только у России.

— Это ты в «Телепате» прочитал?

— Во «Враге». Мы можем запустить ракету, и она приплывет под землей прямо в Америку. И все! Пух!

Тюлька открыл рот. Аксён почувствовал вдохновение.

— Знаешь, какая самая большая тайна в нашей стране? Это карта подземных течений. Ее составил...

Аксён не смог сразу придумать, кто составил карту подземных рек, поэтому сказал просто:

— Гагарин.

— Сам Гагарин?! — удивился Тюлька.

— Ну да, — дальше врать было легко. — Все считают, что он разбился, но его на самом деле просто засекретили. И он стал одним из первых подземных космонавтов!

Про подземные подводные лодки и подземные карты Аксён узнал из газеты «Враг государства», месяц назад нашел на двадцать третьем столбе целую пачку, наверное, немые выкинули. Не продали и выкинули, они часто газеты выкидывают, журналы тоже, особенно в конце недели.

— Да, — согласился Тюлька и поежился. — Гагарин — это да... А я смотри, что нашел!

И принялся выгребать из кармана окатыши. Белые, синие, даже, как показалось Аксёну, зеленые.

— Круглые какие! — Тюлька подышал на камень, погладил им щеку. — Гладкие!

Он лизнул окатыш и сообщил:

— Кислый.

— Зачем они тебе?

— Ну, так... — Тюлька разглядывал камни. — Сделаю чего... Пирамиду.

— Зачем тебе пирамида?

— Не знаю пока... Громоотвод в нее вставлю...

Аксён кивнул.

— Это правильно, — сказал он. — Громоотвод. А провод под половицами к раскладушке Чугуна. В первую грозу его и уделает.

Тюлька одобрительно хихикнул.

— А какое сегодня число? — спросил он.

— Сороковое.

— Да ну, не сороковое. Таких не бывает ведь.

— Бывают, — равнодушно возразил Аксён. — В календаре майя бывают.

— А это в «Светлой силе» прочитал?

— Не... «Нэйшнл джиографик» нашел. Позавчера.

— Ты же позавчера дома валялся весь день...

— Да... — Аксён сделал вид, что не услышал. — У майя в месяце пятьдесят дней. И они считали, что в две тысячи двенадцатом наступит конец света.

— Понятно... «Механики» не было?

— Кто ж «Механику» выкинет?

Тюлька кивнул.

— Пойдем домой, Тюлькан, вечер почти.

— Так какое число все-таки, а?

— Дня два осталось. Может, неделя. Недолго. Давай домой.

Тюлька поморщился, домой ему не хотелось.

— Может, в шалаш пойдем? — предложил он. — Тут ведь недалеко...

— Рано еще. Ночи холодные, а там на земле спать. Да и крыша слезла. Почки застудим. Лучше домой. В мае можно будет уже в шалаш.

— Верка точно пьяная... — сказал Тюлька. — Опять драться станет...

— Не станет. Спит уже давно. Пойдем.

Возвращались по рельсам. Два раза спускались под насыпь: один раз уступили дорогу запаздывающему читинскому, два раза — бензовозам. Потом Тюльке показался майский жук, и он принялся носиться по лесу, стараясь жука поймать, никого, само собой, не поймал, расцарапался об острый сук.

Примерно на полпути остановились — Тюлька застучал зубами. Аксён думал, что это он специально — домой не хочет идти, тянет, но Тюлька имел вид вполне синюшный, даже уши подзавернулись. Так что пришлось зайти в лес и сложить тепленку. От огня Тюлька, конечно же, уснул, и разбудить его не получалось долго: Аксён щекотал брата за пятки, оттягивал ему веки и громко кричал в ухо, но Тюлька спал крепко.

Прогрохотал «Байкал», Аксёну надоело ждать, он взял Тюльку за подбородок и больно щелкнул по носу.

Глава 2

И почти сразу началась война. Все были снежинками. Принцессами, золушками и кошками. А она стрекозой. Такие большие зеленые глаза, сделанные из доньшек пластиковых бутылок, крылья из оргстекла, самая лучшая в мире стрекоза.

Все были разными. Бэтменами, и монстрами, и казаками, и инопланетянами, кое-кто даже волком с древней протрескавшейся мордой. А он был просто в джинсах и черной футболке.

Она выбрала его, и они просидели два часа на подоконнике, ели мандарины, ириски и невкусный кислый зефир. А потом он сорвал с елки зеленую избушку и подарил ей. Самую красивую избушку самой красивой девочке.

Это не осталось незамеченным, на следующий день воспитательница поставила его в угол «до обеда». «До обеда» превратилось в «до ужина», он не хотел признаваться в краже избушки и стоял между диваном и шкафом до забора, до того, как за ним пришли.

На следующий день его называли вором, и он подрался первый раз в жизни. Мальчика звали Игорьь, он разбил Игорю нос. Они оба стояли в углу, вернее, в углах, рядом

с окном: он по левую, Игорь по правую сторону. У Игоря то и дело начинала идти носом кровь, и он легкомысленно вытирал ее о тюлевую штору. Когда это заметили, Игорю задали, а потом явился Игорев отец и задал еще сильнее, так что Игорь потом не мог спокойно сидеть. А зеленая избушка разбилась через два дня, она принесла осколки в банке. Иван измельчил их молотком, вырезал домик из дерева и оклеил его толченой зеленью. Получилось даже лучше, чем та избушка.

А она его поцеловала в щеку, это было в первый раз.

И это не осталось незамеченным.

Глупые, они попытались его дразнить. Женихом.

А ее невестой. Ну, и еще тили-тили-тесто, это само собой.

Зуев, Кареев, Золотарев, он запомнил фамилии. Они смеялись, дразнили его девчонкой, а ее довели до слез. Он сидел на крайнем стульчике и смотрел в пол. И думал. Он запомнил, о чем он тогда думал.

О птицах. О том, что хорошо бы иметь попугая. Во-первых, они умеют говорить, во-вторых, они красивые. А в-третьих, они умные, не все, конечно, но попадаются. Некоторые даже в шашки играть умеют.

Он думал о птицах до обеда.

Потом они сидели рядом и ели куриный суп. Она ела, а он смотрел, глаза у нее были заплаканные и мутные. Тихий час начался как обычно, и он даже поспал, немного, минут пятнадцать-двадцать. Проснулся, когда воспитательница ушла.

Начал с Зуева. Зуев спал в обнимку с осликом. То ли Иа, то ли другой сказочный осел, довольно большой и тяжелый.

Он разбудил Зуева и стал бить его ослом. Вряд ли это было как-то особенно больно, скорее страшно. Зуев только

всхлипывал, а под конец описался. Тогда Иван перешел к Карееву.

Кареев был крупным, раза в два крупнее и Зуева, и его самого. Он проснулся с первого удара, обхватил и принялся душить. За шею. Больно. Но он не сдавался. Кареев душил, а он бил. Лупил кулаками в пузо, а затем в лицо. Много, изо всех сил.

И Кареев сдулся. Отпустил и заплакал.

Иван стукнул его еще несколько раз. Чтобы Кареев запомнил. Да и самому хотелось запомнить. Ощущение силы.

Золотарев проснулся сам и спрятался в туалете, добыть его оттуда не получилось, он подпер дверь. Иван врубался в неё с разбегу, плечом, девочки визжали, еще немного, и она бы поддалась, но тут явилась воспитательница.

С тех пор он дрался часто.

Драться было легко. Иван не понимал, почему это не получается у других. Он всегда побеждал. Уже в старшей группе детсада он знал, как можно побить третьеклассника. Достаточно немного разбежаться и хорошенько толкнуть противника в грудь. Обычно враг был выше на голову, сила прикладывалась удачно, и третьеклассник, а иногда даже и пятиклассник валился, взбрыкивая в воздухе ногами.

Иван быстро осознал действенность приема и часто отработывал его дома — толкал стену. Или деревья в лесу. Лучшее всего толкались сосны, сила толчка измерялась шишками, если получалось от трех шишек и выше, толчок считался удачным.

В садике с ним никто уже не связывался. Сначала не хотели драться, затем не хотели играть, а потом и просто разговаривать. Воспитательница постукивала пальцем по виску и рекомендовала сводить его к специалисту

по профилю, но свидание с психологом не состоялось — в городе психологов не водилось отродясь, а везти его в Кострому мать не собиралась.

И тогда кто-то, подслушав разговор воспитателей, первый раз назвал его Психозом, и это прижилось надолго, так его называли даже в школе. Тогда ему даже нравилось, ну, что его боятся, ведь он побил всех, кто был выше его в группе, а затем тех, кто был одного с ним роста.

Конечно же, она с ним дружила.

Мать работала тогда медсестрой в поликлинике, они приезжали в город на утреннем поезде и отправлялись сразу в сад. Семь утра, сад не работал, и он ждал во дворе. Обычно сидел на крыше фанерной машины, иногда влезал на дерево. Ее приводили тоже рано, они надолго оставались вдвоем, это было лучшее время.

Забирались в машину, и он вез ее в Кострому, в Москву и иногда даже в Америку. И лодка, на ней вполне можно было стогнать в Бразилию, только по правому борту выломаны две доски, и он сильно сомневался, что этот дредноут не дреданется на первой же тысяче миль, поэтому на лодке они ходили только по Волге. Ну, иногда еще заглядывали в Каспийское море.

В восемь начинался рабочий день — завтрак, обед, полдник, ужин, тихий час, музыкальный час, физкультурный час, посторонние.

Они все были посторонними. И только мешали. Всегда, с утра и до вечера. Впрочем, последние два года в саду они уже знали, как себя вести, он их выдрессировал. И ребят, и взрослых.

Мальчики спали по правой стене, девочки по левой, под стеной со старым ковром: олени, медведи, зайцы.

Мальчиков было больше, и вдоль правой стены часто не хватало мест, и тогда какого-нибудь мальчика переселяли к девочкам, и это считалось позором. Мальчика все начинали дразнить почему-то Дусей и доводили до истерики, так что приходилось вмешиваться воспитательнице и направо-налево наводить порядок с помощью скакалки. А ему требовалось просто находиться рядом, поэтому он поступил просто — взял раскладушку Лобина с грузовичком и перетащил на девчачью сторону, ее же раскладушку с малинкой перетащил на мальчишечью. Лобин был новеньким и полез драться, поскольку не хотел быть Дусей, но зря полез, в вопросе спанья Иван проявил свое обычное упорство. Он поколотил Лобина, затолкал его в раскладушку и велел молчать и не портить людям настроение.

Тихий час начался, воспитательница с удивлением поглядела на зареванного Лобина, но Иван пояснил, что тот поменялся совершенно добровольно, из высоких побуждений.

На следующий день, само собой, явились возмущенные лобинские родители и устроили скандал. Мать Ивана отсутствовала, и скандал пролетел в основном над головой самого Ивана и над головой воспитательницы.

Он не расстроился совершенно, два часа в углу его не удручили, все два часа он усердно тренировал лоб, слегка постукивая им по стене. Другие дети наблюдали за этим с ужасом.

Во время тихого часа Иван повторил вчерашний маневр и простоял в углу вторую половину дня.

Родители Лобина возмутились уже по-настоящему. Взнедовольствовались и другие взрослые, они грозили жалобами и давили на воспитательницу: он стоял в углу уже

часами, от завтрака до обеда, от обеда до ужина, но все равно на тихий час перетаскивал ее раскладушку к себе, а Лобина превращал в Дусю.

Он победил. Простояв в углу пять часов, он грохнулся в обморок и углом ящика для игрушек рассек щеку, от челюсти до уха. Врачиха из скорой помощи накладывала швы, воспитательница глотала валерьянку, прибежавшей в ужасе заведующей он с улыбкой сказал, что случайно поскользнулся.

Он победил. Воспитательница плюнула и поставила их раскладушки рядом, отдельно от всех остальных, рядом с аквариумом. Это было здорово — и она, и аквариум, столько всего сразу, — ведь уснуть у него не получалось никогда. Он охранял ее сон и наблюдал за задумчивыми вуалехвостами, а когда воспитательница засыпала за своим столом, доставал спичечный коробок и кормил рыб сушеными червями. Он вообще любил тихий час.

Идея отделения пришла к нему по вкусу.

Он отделил три стула — один для себя, один для нее, третий для игрушек и вообще про запас. И объявил, что подходить ближе чем на два метра не рекомендует никому.

Не подходили.

После стужев он отделил стол. Самый, разумеется, лучший, возле окна, с видом на дорогу. Столов в садике тоже не хватало, однако другие предпочли сидеть за одним столом вчетвером, связываться с Психозом не хотелось.

Руководство сада вступать в новую войну также не собиралось. Более того, ему позволили самостоятельно ходить на кухню и выбирать порции. Это тоже было удобно — себе он всегда выбирал поменьше, потому что есть не любил, ей же доставалось все самое лучшее. Если запеканка, то не

подгорелая, если рыба, то не хвост, если пюре, то со дна кастрюли.

Она была довольна.

Постепенно вокруг них образовался круг отчуждения, мальчики не играли с ней, опасаясь Психоза, а девочки считали, что могут тоже попасть под его покровительство и заболеть психически. Хотя некоторые девчонки и завидовали — у нее был настоящий рыцарь, отвоевавший пространство, покоровший взрослых, способный за один косой взгляд поколотить любого, доедавший противные сырники и даже ужасную пенку с какао.

В их круг пытались проникнуть. У мальчишек хватало ума не переступить опасных границ, девочки же иногда попытки предпринимали. К таким попыткам он был равнодушен. Он вообще не замечал девчонок, считал их пустотой и дурами, когда они спрашивали у него что-то, он отвечал редко, невпопад или вообще смеялся. Или отворачивался. Обычно девочки отходили сразу, если же кто-то упорствовал, то в дело вступала она. Нет, она не царапалась и не таскала соперниц за волосы, она просто смотрела.

Девчонки пугались.

Мать частенько оставалась на вторую смену и забирать его не могла. Тогда они шли к Ульяне. Мать договаривалась с ее родителями, те были только за, поскольку работали тоже помногу и не хотели, чтобы дочка сидела одна.

Нет, можно было дожидаться у бабушки, но у бабушки Ивану не нравилось. Потому что бабушка была почти слепая и все время заставляла его читать вслух журнал «Здоровье», самый скучный журнал на свете.

Они добирались до дома и пили чай из термоса. Обычно с оладьями. Иногда с самодельными ирисками. Смотрели

мультки. А еще у нее имелись настольные игры — целый сборник, в них тоже играли.

Вечером, уже в темноте, за ним заходила из поликлиники мать. От матери пахло лекарствами, как положено, она разговаривала с ее родителями, и они все вместе смеялись — жених и невеста растут. А потом они брели на вокзал и садились на пригородный и домой возвращались уже почти в десять. Мать начинала ругаться со старшим братом. Из-за оценок, из-за поведения в школе, из-за того, что он слопал гороховый суп и ничего не оставил, и кастрюлю даже не помыл, она надрывается весь день и теперь ей снова надрываться — греть воду, мыть посуду, готовить что-то на завтра...

Он уходил на крыльцо. Брал в коридоре старую фуфайку, в нее можно было завернуться почти целиком, сидел, слушал поезда, ночью их было больше, чем днем, и звучали они совсем по-другому, лучше. Ждал утра и ненавидел приближающиеся выходные.

Жених и невеста.